

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана в 2002 году

ТОМАС МЭЛОРИ
Смерть Артура

Перевод с английского

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М97

Сокращенное издание

Перевод с английского, примечания,
указатель имен *И. Бернштейн*

Предисловие *Л. Сумм*

Разработка художественного оформления серии
А. Бондаренко

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки
использованы фрагменты работ художников
Артура Хьюза, Чарльза Батлера и Эдмунда Лейтона

Во внутреннем оформлении иллюстрации
Артура Рэкхема

Мэлори, Томас.

М97   Смерть Артура / Томас Мэлори ; [перевод с английского, примечания, указатель имен И. М. Бернштейн]. — Москва : Эксмо, 2023. — 640 с. : ил. — (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-04-181164-8

Сэр Томас Мэлори, крупнейший английский писатель XV века, участник Войны Алой и Белой розы, собрал и обработал сюжеты рыцарских романов артуровского цикла. «Полная книга о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола» является бесценной хроникой своего времени. В центре внимания писателя проблемы подлинного и мнимого человеческого величия, доблестного служения Богу и королю, истинной храбрости и милосердия к поверженному врагу. И прекрасным материалом для осмысления этих проблем послужили легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Бернштейн И., перевод на русский язык,
примечания, указатель имен.
Наследники, 2023

© Сумм Л., предисловие, 2023

© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-181164-8

Содержание

Л. Сумм. ВЕТВЬ ГРААЛЯ

5

ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕ АРТУРЕ

23

ПОВЕСТЬ О БЛАГОРОДНОМ КОРОЛЕ АРТУРЕ,
КАК ОН САМ СТАЛ ИМПЕРАТОРОМ
ЧЕРЕЗ ДОБЛЕСТЬ СВОИХ РУК

187

СЛАВНАЯ ПОВЕСТЬ
О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ ОЗЕРНОМ

234

ПОВЕСТЬ О СВЯТОМ ГРААЛЕ В КРАТКОМ ИЗВОДЕ
С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА, КАКОВАЯ ЕСТЬ ПОВЕСТЬ,
ТРАКТУЮЩАЯ О САМОМ ИСТИННОМ
И САМОМ СВЯЩЕННОМ,
ЧТО ЕСТЬ НА ЭТОМ СВЕТЕ

271

5

КНИГА О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ И КОРОЛЕВЕ ГВИНЕВЕРЕ

412

ПЛАЧЕВНЕЙШАЯ ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ
АРТУРА БЕСКОРЫСТНОГО

500

ПРИМЕЧАНИЯ

581

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

625

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

626

ВЕТЬ ГРААЛЯ

И с тем поскакал он дальше, и по пути нашел он ветвь священной травы, которая была знаком Святого Грааля.

Загадочная «ветвь священной травы», найденная королем Багдамасом, дала обильную поросль в английской поэзии, существенно обогатила образ Грааля — выходит, Грааль еще и растение, — задала работу символистам и культурологам, предполагавшим связь с древом познания или даже с мировым древом скандинавского фольклора, поскольку в Артуриане прослеживаются отнюдь не только христианские мотивы. Прямо-таки обидно читать филологический комментарий, отмечающий хитроумные толкования: всего-навсего Мэлори ошибся в переводе. Нет такой ветви, «которая была знаком»: в первоисточнике речь шла о «ветке», «ответвлении» сюжета — термин во французской литературе к тому времени вполне устоявшийся.

Французские романисты давно овладели искусством экономного использования заманчивых сюжетов и профессионально работали с циклами: история Шарлеманя, то есть Карла Великого, троянские сказания, деяния Готфрида Бульонского (Годефрея Болонского). Особенно пышные ветви пустила легенда о короле Артуре. Сто пятьдесят рыцарей (причем ежегодно сколько-то погибало и на их место избирались новые), каждый из которых по определению — поскольку сидел за Круглым столом — достоин отдельного рассказа. Сами понимаете, какие возможности тут открывались. Среди этих героев имелись хорошо известные, про которых хотелось знать все подробности — в первую очередь это касалось Ланселота и пришедшего из древних версий мифа сэра Гавейна, — однако появлялись и новые лица, созданные авторами. Рассматри-

вались различные типы рыцарской любви, подвигов, «вежества». Вроде бы простая история о могущественном владыке, чья держава сказочно быстро выросла, объединив прославленных героев того времени, а потом рухнула в одночасье из-за соперничества между этими героями, женской измены и недостойного претендента, вбирала в себя всевозможные приключения. Центральный сюжет переплетался с другими, столь же драгоценными — историей любви Тристана и Изольды, поисками Святого Грааля, пророчествами Мерлина. Артуриана разрослась настолько, что появилась энциклопедия, кое-как сводящая имена и сюжеты воедино, — так называемая «Французская Вульгата». Это и есть «Французская книга», на которую часто ссылается Мэлори. Кому-то «Смерть Артура» покажется чересчур громоздкой; «Вульгата» в пять раз длиннее. Для пользы и удовольствия читателя в этом путеводителе приходилось отмечать разветвления сюжета, связь отдельных эпизодов или больших стихотворных текстов с целым.

Подобную сноровку выстраивания цикла английские литераторы еще не приобрели. На родине героя литература о нем сводилась к разработке одной любопытной боковой линии — «Сэр Гавейн и зеленый рыцарь» — и к старинной аллитерационной поэме «Смерть Артура». Англичанину Томасу Мэлори, писателю отнюдь не профессиональному, устоявшееся выражение «ветвь Грааля» было незнакомо, и пришлось толковать его по-своему.

Мэлори частенько недопонимает французский текст, и тогда появляются ветки травы и пламенные мечи, особенно заметные на фоне прямого, даже деловитого повествования. При желании в неточностях Мэлори может уличить не только филолог, но просто внимательный читатель. Да ведь Мэлори и не прикидывается специалистом. Если бы мы вдруг решили, будто Мэлори — переводчик или компилятор, взявшийся за определенную плату переложить текст на английский язык для удобства публики, подобные упреки были бы оправданы. Но когда издателю Кэкстону принесли «список в кратком изводе с французского», составитель этого списка уже пятнадцать лет покоился в могиле и на гонорар рассчитывать никак не мог. Колофоны (личные приписки в конце разделов) сообщают, что был он рыцарь — сэр Томас Мэлори — и много лет, вероятно, до самой смерти, просидел в лондонской тюрьме. Там

поблизости была библиотека, откуда он мог заказывать книги, и церковь, возле которой его похоронили.

Несмотря на такие подробности, нашлись современники-однофамильцы, и ученые все еще спорят, который из них «тот самый», хотя наиболее вероятный претендент — некий сэр Томас, лет до тридцати вполне благополучный, представлявший свой округ в парламенте, а потом затесавшийся в войну Алой и Белой розы, неудачно или не вовремя переметнувшийся в этой междоусобице на другую сторону и угодивший в застенки по обвинению в насилии, убийстве и уgone скота. Хотелось бы знать о нем как можно больше и точнее, однако и этих сведений довольно, чтобы представить себе человека, с детства знавшего народный — английский — язык и язык своего класса, французский, хотя, скорее всего, особой премудростью себя не утруждавшего. Человека, привыкшего активно участвовать в жизни королевства, но оказавшегося не у дел, в тюремной камере. Его не подвергали пыткам, ему не грозил смертный приговор, порой появлялась надежда на королевское помилование. Достаточно почетное и комфортное заключение. Но, видимо, он нуждался в осмысленном деле и нашел его для себя — причем сознательно выбрал работу неподъемную как по объему, так и по сложности, не соответствовавшей его знаниям, его подготовке. Взял на себя труд переводчика и переписчика, более подобающий монаху, — быть может, принял его как своего рода епитимью.

Бывает так — редко, но бывает, — что непрофессионализм писателя и даже писателя-переводчика оборачивается повышенной выразительностью его книги. Напряженный поиск смысла в чужом тексте, необходимость соотнести слово и знакомую реальность, отсутствие готовых инструментов и подлинность выговариваемого — все это проступает отчетливее и находит отзвук в чуткой душе читателя. Особенно если неподготовленность автора обусловлена его судьбой или судьбой его культуры. А именно так обстоит дело с Мэлори. Во второй половине XV века английская литература только-только начала озира́ться по сторонам и осознавать себя. Издавший Мэлори Кэкстон был английским первопечатником. «Краткий извод с французского», по которому он «составил набор» (предварительно отредактировав, о чем он скромно умалчивает), — одна из последних в Британии рукописных книг. То есть Мэлори во многом принадлежит средневековой традиции.

Появление типографий меняет предъявляемые к тексту требования. В этом смысле показательны сомнения Кэкстона в связи с попавшим к нему в руки «списком». Личная задача автора, художественная сторона дела мало интересуют издателя. Кэкстон в первую очередь предлагал публике не романы, а познавательные книги о жизни и деяниях знаменитых мужей — например, о подвигах Годефрея Болонского, лица безусловно исторического. Как честный ремесленник, он старался изготовить вещь правильную и полезную, а потому его беспокоила достоверность представляемых публике сведений: об Артуре, как он справедливо указывает, маловато известий в хрониках, и многое в них сомнительно. С другой стороны, спрос на книги об этом короле огромен, и странно, что их так мало в Англии, откуда он родом (как говорится, нет пророка в своем отечестве), зато множество французских и валлийских, а также голландских, итальянских, португальских и даже греческих. Почему-то Кэкстон не упоминает германские книги, хотя Вольфрам фон Эшенбах накрепко связал историю о короле Артуре с поисками Святого Грааля, усилив мистическую составляющую и подарив европейской литературе образ рыцаря с лебедем.

Но как раз то, что смущало Кэкстона — недостаточная историчность Артура, — поспособствовало его вхождению в литературу самых разных европейских народов. Ведь, казалось бы, почему такое предпочтение оказано Артуру перед Шарлеманем? Можно предположить даже, что Артуриана отчасти вобрала в себя судьбу франкского короля, который действительно стал императором «через доблесть своих рук». Мусульманское нашествие, остановленное, ограниченное пределами Пиренейского полуострова. Объединение Европы, коронация в Риме. Имя, сделавшееся нарицательным: Каролус — король. Даже и в том похожи два великих короля, что они, как позднее Барбаросса, принадлежат к числу «спящих владык», тех, кто проснется в урочный час и спасет свою страну. Британия все еще ждет возвращения Артура с Авалона. И при всем сходстве с Карлом, очевидно и отличие — казалось бы, невыгодное для Артура. Шарлемань — реальное историческое лицо. Поэты могут приписать ему подвиги личной отваги, двух-трех побежденных драконов, но в общем-то в особом приукрашивании он не нуждается. Его завоевания, власть, слава вполне весомы. Од-

нако вымышленность, неисторичность Артура обернулась его преимуществом. Карл Великий стал императором Галлии, Германии и славянских земель в реальности, Артур же — в преданиях и литературе, и эта художественная реальность для множества поколений читателей оказалась убедительнее. Поэзии гораздо удобнее иметь дело с героем, не привязанным к определенному веку или политической конкретности. С Круглым столом, вмещающим в себя весь мир, как сказано у Мэлори.

Трудно проследить, с какого момента Круглый стол появился в Камелоте, но то была счастливая находка. Ей Артур в значительной степени обязан своей популярностью. Круглый стол — едва ли не первое, что мы в детстве узнаем об Артуре, и даже если мы забудем о нем почти все, утратим суть, начитавшись современных фэнтези, или разочаруемся в исторической реальности Артура, вникнув в научные изыскания, Круглый стол все равно останется с нами, как останется само имя Артура.

Это имя впервые встречается в валлийских поэмах VI века: в одной воспевается герой, сошедший в загробный мир и добывший кубок Брана — кельтский аналог рога изобилия и чаши бессмертия, которой предстоит еще стать сосудом Грааля. Другая поэма посвящена Последней битве. Чаша и Последняя битва — обязательный, необходимый элемент этих преданий, хотя для самого Артура поиски Грааля не столь насущны — в литературной обработке они передоверяются Ланселоту, Персивалю, Галахаду. У Мэлори король и вовсе остается дома, когда его рыцари, вопреки желанию Артура, отправляются «граальить», как называл это насмешник Марк Твен. Может быть, Последняя битва в итоге оказывается важнее Грааля. Своей смертью Артур входит в главный, основополагающий миф — миф о безнадежном сражении, об отчаянной отваге и гибели, из которой рождается новый мир. Европейская культурная память восходит к разрушению Трои.

Первоначальный Артур, насколько мы знаем, родом из Уэльса и V века, то есть он валлиец, бритт и прославился в междоусобных войнах или в борьбе против пришельцев-саксов. Здесь, в Уэльсе, он становится национальным героем бриттов и в таком же качестве воспевается по ту сторону Ла-Манша, в родственной Бретани, куда перебрались потерпевшие поражение

ние и вытесненные саксами кельты. Из Бретани легенда распространялась по всей Франции, и таким образом появилась французская, а там и европейская литература на эту тему, для которой местный князек не представлял ни малейшего интереса. Всемирно-историческое значение Артур мог получить в качестве римского императора, и французская версия с легкостью превращает его в повелителя половины мира, тем более что имеет перед глазами памятный пример Карла Великого. Тем временем и на родине «национальная принадлежность» Артура меняется: настал черед саксов сопротивляться новому нашествию, и столица Артура переносится в Винчестер, а Последняя битва превращается в обреченное сражение саксонского короля Гаральда с Вильгельмом Завоевателем. Спустя еще несколько веков нормандцы и саксы, сплотившиеся в английский народ, покоряют заморские территории, чтобы утратить их в результате внутренних распрей, войны Алой и Белой розы.

В хрониках имя Артура появляется поздно, отчего и возникает подозрение: должно быть, Артур проник в хроники не из истории, а из легенды. К IX–X веку о нем столько рассказывали в Великой и Малой Британии, что уважающий себя автор просто обязан был включить Артура в свой рассказ и как-то согласовать ход событий. Из ранних историков более всего «английский Артур» обязан Гальфриду Монмутскому. Этот автор XII века предпринял величайшие усилия по примирению завоеванных саксов и завоевателей-нормандцев, он создал идеологию — легенду, которая помогла им сплотиться в народ, создал героя-англичанина. На Артура с равным правом претендовали саксы (в силу территориальной близости) и нормандцы, у которых в войске насчитывалось немало бретанцев, то есть кельтов, родичей Артура. Саксы могли равняться на Артура как на героя сопротивления и даже представлять его врагом нормандцев, однако для нормандцев Артур был врагом саксов. Но создаваемая Гальфридом национальная легенда осталась бы крайне узкой и неплодотворной, если бы он не связал ее с более универсальным родством. Гальфрид произвел исконное население Британии и ее законных королей не более не менее как от троянцев.

Мы уже упоминали троянские сказания в числе основных циклических сюжетов. Есть основания полагать, что наиболее

раннее издание Кэкстона, то есть первая в Англии печатная книга, было посвящено подвигам троянца Гектора, которого Кэкстон относит к числу девяти величайших мужей (из всех девяти мужей только двое, Гектор и Артур, — литературные персонажи, соседствующие с Юлием Цезарем, Шарлеманем, царем Давидом и так далее). Происхождение от троянцев включало окраинный народ в европейское родство. Первыми до этого додумались римляне: поискав для себя места в греческой мифологии, они обнаружили, что немногие уцелевшие троянцы отправились на запад, а потому и возвели к ним свой род. Прямыми потомками спасшегося из Трои Энея считали себя Гай Юлий Цезарь и император Август. С тех пор всякий легитимный правитель должен был выстроить себе генеалогию, восходящую к Энею или его ближним. Гальфрид Монмутский предложил в герои-основатели троянца Брута, давшего имя Брутании-Британии. Похожее предание бытовало и на Руси, о чем свидетельствуют, к примеру, письма Иоанна Грозного — он тоже отпрыск троянских царей. Миф о Трое закономерно возникает в самых разных европейских культурах — и в Британии, и в России, — когда требуется объединение и сплочение под сильной самодержавной властью.

Учитывая важность имени, стоит отметить, что в «Смерти Артура» два персонажа зовутся Эктор — воспитатель Артура и брат Ланселота, сэр Эктор Окраинный (!). По всей вероятности, так автор обозначил отношения своего Артура с легендой о Трое: центр вселенной из Рима (и Трои) сдвинут в Британию. Король Артур заявляет о себе как о самом что ни на есть законном претенденте на императорскую власть, поскольку римскими императорами были все его предки, за исключением только отца. Вот так: римский император обретает легитимность благодаря происхождению от британского королька.

У Мэлори Артур уже несомненный англичанин, и наиболее явственно его национальность проступает в короткой повести о походе на Рим, о том, как Артур стал императором. Здесь воины Артура именуются англичанами и предстают как единая армия, а не дружина, собранная из королевских сынов Уэльса, Ирландии и Британии. И об английской доблести заходит речь, и о «Веселой Англии». В повести о том, как Артур «стал императором через доблесть своих рук», Мэлори в большей степени опирался на английскую аллитерационную

поэму, отходя от «Французской книги». Внимательный читатель заметит изменения и в образах героев, и в самом стиле повествования. Ведь Мэлори пишет не о сказочном Логресе — о своей Англии.

Политическое содержание — наиболее современный и личный слой в его книге. Сохраняя детали источника, очень мало добавляя от себя, Мэлори создает новый текст именно за счет отношения к нему, за счет своей позиции. Комментаторы замечают, что Мэлори часто подменяет неизвестные ему топонимы реками и замками, которые сам видел, или отождествляет валлийские названия со знакомыми английскими. Очень аккуратно вводит он в число бьющихся на турнире героев своего покровителя — одно лишь имя, которое мы сейчас вряд ли бы отличили от прочих Саграмуров Желанных. Поход за море — это слава Генриха V, чуть было не покорившего Францию, то есть почти что императора (и умер Генрих рано, а за его смертью последовали новые распри). Гибель Артура и Круглого стола — братоубийственная война Алой и Белой розы. Король Артур, со всей очевидностью, не исторический персонаж, который следует изучить и достоверно изобразить, а литературный герой, через которого автор осмысляет себя и свою действительность.

На самом деле Мэлори вовсе не ограничивает себя задачей «краткого извода с французского». Он не только сокращает, выбрасывает все, что для своего повествования считает необязательным, но и обращается к другим источникам помимо «Французской книги», и эти источники отнюдь не компилирует механически. Английская поэма не входит в его роман единой вставной новеллой. Ее он тоже разрывает, отделяя поход на Рим от гибели Артура. В поэме эти события следовали одно за другим: пока Артур воевал за морем, Мордред захватил власть, и поспешно возвратившийся Артур погиб в сражении с претендентом. Кульминация — победа, высшая точка власти — и гибель. Для Мэлори если и существует кульминация, то многолетнее правление Артура, возможность компромисса, умение искать выход в самых безнадежных положениях — и когда лучшие рыцари ссорятся меж собою и втягивают короля в междоусобные свары, и когда совершаются преступления, и когда все бросают Круглый стол и отправляются на поиски Грааля, и даже когда королева ему изменяет, потому что «ко-

ролев я могу найти много, а таких рыцарей не собрать уже никогда». Братство Круглого стола более драгоценно — и более хрупко, — нежели императорская власть или Грааль, и погибнуть оно должно изнутри, а не от внешних причин.

Кэкстона беспокоило, что Артур может оказаться вымыслом, литературным персонажем, а не частью реального мира, но Мэлори свой труд воспринимал как средневековый автор, для которого книга — высшая реальность. Он ссылается не на хроники и уж тем более не на валлийские легенды, а на «Французскую книгу». Отчасти это проформа, привычный способ придать авторитетность своему повествованию. Но и более того: глубокая убежденность в достоверности Книги — просто потому, что это Книга. Из своего источника Мэлори черпает не только факты, но сугубо индивидуальные детали, трактовку событий: королева, пишет он, не подавала виду, но, как говорится во Французской книге, в душе она переживала сильно. Мы ощущаем подлинность существования этих людей, про которых уже написано. В европейскую культуру Артур входит не через ученые изыскания и не из кельтского фольклора, а из книги Мэлори, «краткого извода» французской Вульгаты, которая и сама — результат прочитанных и перечитанных книг. Поэтому все наши поиски исторического или фольклорного Артура, хотя интересны сами по себе, далеко не всегда имеют отношение к этой книге, да и к нашей культурной памяти. Тем более, что здесь выводы Кэкстона мало чем отличаются от позиции современных ученых: был в Англии какой-то король по имени Артур, с его именем связывают множество подвигов, в особенности же устойчиво сказание о Круглом столе и гибели Артура. Однако где он жил, когда, насколько преуспел — трудно решить.

Не только старинные авторы и добросовестные издатели, но и современные ученые не могут договориться, считать ли Артура аграрным божеством или героем-родоначальником, вождем, сумевшим объединить вокруг себя несколько сот дружинников, военачальником на службе у римлян или римским офицером в Британии (который вполне мог быть туземцем — римляне в V веке в основном полагались на местных союзников). Имя «Артур» расшифровывается как кельтское «медведь», латинизированное *Artorius*, индоевропейское «землепашец» (от корня *ara*, как русское «орать землю»). Когда-то рационалисты-греки научно объясняли свой пантеон: де-

скасть, в богов превращались цари и герои. Ученые мужи начала XX века опровергли наивные представления древних: не вождь обожествлен, а божество со временем стали принимать за вождя. Еще более ученые мужи конца XX века не обнаружили в Артуре ни малейшей связи с аграрными и прочими мифами. И слава богу: хочется все-таки почитать книгу про человека, реального или вымышленного, а не про индоевропейский миф, которого уж точно не существовало.

Насколько крепки связи Артура с кельтским фольклором — вопрос очень спорный, как и все, что касается кельтского фольклора. Имя его в древних сагах отсутствует, и в сюжетах мало общего с его судьбой — чаще обнаруживаются параллели к персонажам, окружающим Артура, прототипы Тристрама и Марка, Ланселота, Гавейна, Персиваля. Во всяком случае, кельтскому эпосу мир Артура во многом обязан своей волшебной аурой. Дева Озера и Ланселот Озерный, меч в камне, диковинные звери, разворачивающий свиток будущего Мерлин, сила, прибывающая у героя с утра до полудня, — все это плоды языческой фантазии, унаследованные и рыцарским романом, и Мэлори. Для авторов первых рыцарских романов, как и для современной фэнтези, кельтский колорит чрезвычайно привлекателен, он легко находит своего читателя. Но Мэлори кое-что смущало. Не потому, что он не верил в чудеса — он вполне в них верил, а еще более верил в свою Французскую книгу. К сожалению, диковинные звери бывают довольно мерзкими тварями, подаренное высшими силами оружие оборачивается против беззащитных, а требовать нравственности от аграрного мифа вряд ли уместно. Над этим колоритом Мэлори пришлось немало поработать, усмирить его, отодвинуть языческий мир на второй план, в пролог и эпилог — чудеса сопутствуют рождению и воцарению Артура, но руководивший каждым шагом, спланировавший его зачатие, напороочивший судьбу и многое для осуществления этой судьбы сделавший Мерлин исчезает, как только власть Артура достаточно укреплена. А всевозможные чудесные животные сведены к «зверю рыкающему», которого на периферии романа преследует сарацин Паламед. Труднее было решить этические проблемы.

Современные ученые объяснят нам, что жестокий, беспринципный, сластолюбивый Гавейн, к тому же отличающийся от обычных людей некими сверхъестественными способ-

ностями, — наследие язычества. Найдутся этимологические объяснения и прелюбодеянию, совершенному Артуром с родной сестрой, в результате чего на свет появился Мордред, его будущий убийца, и «практическому решению», которое принял Артур, предупрежденный Мерлином о рождении Мордреда: образец христианского властителя с готовностью уподобился Ироду. Мэлори никакие научно-фольклорные объяснения не устраивают. Он принимает Гавейна, Ланселота, Артура как они есть — как литературных героев и как грешных людей, нуждающихся не в объяснении, а в искуплении, — и ведет их к искуплению, которое наступит в конце книги.

То, что книга в целом именуется «Смерть Артура» — тоже случайность, как ветка Грааля. Недосмотр издателя. «Здесь заканчивается смерть Артура», отметил Мэлори, ставя точку в конце последней части (собственно «Смерти Артура») и прощаясь с читателем, а Кэкстон решил, что такими словами Мэлори закончил всю книгу. Как и «ветка Грааля», случайность эта — знаковая, потому что книга действительно о смерти Артура. Мы уже поняли, что Последняя битва всегда будет главным элементом этого сюжета. Снова Троя. И к этой развязке Мэлори неумолимо ведет нас с самого начала.

Между «началом» — романтической повестью о «мече в камне», о признании прав Артура на престол и превращении его в императора и объединителя земель (характерно, что заморские завоевания быстро стираются из памяти и в дальнейшем речь идет о дворе в Камелоте и британских, в лучшем случае — заезжих из Франции рыцарях) — и Последней битвой теоретически можно вставить любое количество эпизодов. Некоторые исследователи предполагали, что речь идет вообще не о целом произведении, а о восьми романах. Первые два, о воцарении Артура и о том, как он стал императором, и три последние, о Граале, о любви Ланселота и Гвиневры и о Последней битве, достаточно органично связаны между собой и могли бы рассматриваться как две части романа об Артуре — от рождения его и признания прав до величайшей славы и гибели. Насколько необходимы «вставные» романы об отдельных героях — Ланселоте, Тристраме, Гарете? Мог ли Мэлори добавить еще два-три таких романа или что-то убрать? Когда у издателей возникает потребность сократить текст (возникла она и у издателей данного тома),

естественно последовать примеру Мэлори и обрубить «ветки», сохранив основную линию. Для Мэлори сокращение — существенный фактор творчества. Повинуясь собственному чувству ритма, он впятеро ужимает основной источник, «Французскую Вульгату», останавливается, как только замечает, что повествование чересчур разрослось и уводит его от основной мысли. Так, нетерпеливо, почти раздраженно обрывает он вторую часть повести о Тристраме, ехидно предупредив читателя: «Третьей же книги нет». Нет — и суда нет. Но в итоге все сюжеты, как развернутые в отдельные книги, так и сжатые до нескольких глав (дела Гавейна — язык не повернется назвать их подвигами) или до простого упоминания, окажутся сцеплены между собой, как судьбы живущих рядом людей.

Хотя Мэлори не владеет французской терминологией, прерываясь, он тоже указывает ниточку, способную, словно клубок, размотаться к другим событиям. И было, говорит он, у Багдемагуса еще множество приключений, после того как он нашел ветвь священной травы, которая была знаком Грааля, а потом он вернулся ко двору Артура, и его посвятили в рыцари Круглого стола, а мы вернемся к Артуру прямо сейчас, поскольку там настал новый день и были новые вести и приключения.

Этот самый Багдемагус, который наткнулся на ветку священной травы, в начале романа был даже не третьестепенным — вовсе незначительным персонажем. Его не приняли в братство Круглого стола, когда там освободилось место, предпочтя ему Тора-свинопаса, вот Багдемагус и уехал на поиски славы, а наткнулся на эту «ветку». Статистом он пройдет по большей части книги, примет участие кое в каких турнирах, в не существенных для основного действия приключениях, но выступит из тени, когда начнутся поиски Грааля. Заранее посланный знак не обманет: Багдемагус разделит путь с Галахадом и Персивалем, избранниками Грааля, попытается взять на себя сверх возможного — наденет щит, носить который уготовано Галахаду, а любому другому, кто тронет это оружие, суждены тяжелое ранение и смерть. Тяжело раненным и оставляют своего спутника Галахад и Персиваль, а спустя сколько-то времени мимоезжий рыцарь находит гробницу Багдемагуса.

Вот и вся история? Но нет, в романе о Ланселоте и Гвиневре, нарочито помещенном после истории Грааля, Багдемагус возникает вновь — в качестве верного друга и соратника

Ланселота. Это может быть оговорка (в конце концов, в любой книге подобных размеров, даже если автор не зависит от противоречивых источников, ляпы бывают), но все-таки похоже, что Багдемагус «возвращается» неслучайно, и вот почему: он — отец Мелеганта, дерзкого юнца, который похитил Гвиневру и тем самым нарушил хрупкое равновесие, начал цепную реакцию, приведшую к осуждению Гвиневры, бунту Ланселота, междоусобной войне. Багдемагус воскресает как бы для того, чтобы оправдаться: если его сын и виноват перед Ланселотом и всем братством Круглого стола, к вине этой не причастен сам Багдемагус. Имеется некая авторская хитрость, которая наводит на мысль, что Мэлори не «забыл» о смерти Багдемагуса в предыдущей части, а предвидел такой поворот. В повести о Граале не сказано напрямую, что этот персонаж погиб. Напротив, после ранения он долго хворал, пока не вылезился. А о смерти его читатель догадывается, поскольку кто-то видел гробницу с его именем. Но ведь и «Смерть Артура» заканчивается рассуждением о том, что Артур, может быть, и не умер, хотя известна его гробница. Багдемагус, в ущерб своему сыну принимающий сторону Ланселота, — смиренный предтеча Артура, ради Круглого стола закрывшего глаза на адюльтер своей жены и Первого рыцаря. Выбор Багдемагуса вполне соответствует его поступку в романе о Граале — поднять роковой щит, на себе опробовать не ему предназначенный подвиг.

Связать начало и конец истории помогает Мерлин, знаменитый кудесник, чье имя навсегда сочетал с именем Артура тот же Гальфрид Монмутский, который подарил Шекспиру сюжет о короле Ллеире и его дочерях. Ллеир в этой хронологии предшествует Артуру («Пророчество Мерлина, который будет жить *после* меня», — говорит шекспировский шут). В большинстве романов об Артуре Мерлин присутствует постоянно, однако у Мэлори он действует только в самом начале, способствует зачатию Артура, его воспитанию, признанию прав на престол и устройство Круглого стола, а все остальное — Плачевный удар и поиски Грааля, дурные последствия брака с Гвиневрой, гибель короля от рук Мордреда и многое другое — Мерлин предсказывает, после чего погибает от неразделенной любви. Багдемагус в своих «боковых» странствиях наткнется на плиту, под которой погребен Мерлин, и попытается освободить его, но тщетно.

Мерлин, погибший от любви, ради любви добровольно отказавшийся от своего чудотворства, — не изобретение автора (был уже опробован такой сюжет), но авторский выбор среди нескольких вариантов судьбы знаменитого волшебника. Мэлори предпочитает этот, с самого начала книги заводя разговор об опасности и всевластности любви. В этом свете и огромная «вставка» о Тристраме и Изольде обретает смысл. История Ланселота и Гвиневеры сопоставляется с другими сюжетами и требует не только сочувствия, но и понимания, оценки, а в чем-то и осуждения, как осуждает себя сам Ланселот.

Три «книги», поместившиеся между началом и концом, — подвиги Ланселота, представляющие нам центрального персонажа любовной линии, Тристрам и Изольда, самый знаменитый любовный роман средневековья, без которого разговор о любви представить себе невозможно, и контрастирующая с ними наивная и невинная повесть о Гарете-Белоручке. Казалось бы, эта повесть уж и вовсе лишняя, здесь нет переклички с пафосом «Ланселота» и «Тристрама». Но как раз этим и важна история Гарета — она заканчивается счастливым браком.

Гарет — едва ли не самый симпатичный из персонажей Мэлори. Он чист и скромен — настолько, что первым испытанием себе назначил прожить год при дворе короля Артура, не раскрывая своего имени, кормясь с прислугой и подвергаясь насмешкам сэра Кэя и прочих острых на язык вояк. Столь же терпеливо сносит Гарет издевки дамы, возмущенной тем, что в спутники ей дали какого-то «кухонного мужика». Отвагой Гарет ближе всего Ланселоту, который стал его «крестным отцом», посвятил Гарета в рыцари. Смирением он напоминает Галахада, но без той неземной святости, которая даже Мэлори настораживала в Галахаде и Персивале, так что он поспешил их умирить. Гарет — идеальный рыцарь, отважный в бою и скромный с дамами, верный друзьям и преданный королю, любящий, но и зоркий в своей любви: от старшего брата, Гавейна, и от остальных братьев, кроме Гахериса, он отдалается, убедившись в их коварстве и жестокости.

Мэлори отбирает не просто интересные события или симпатичных персонажей. Все его долгое повествование со множеством вставных новелл направлено к определенной цели, и когда рассказ дойдет до конца, мы поймем, что ради этого конца и было в самом начале уделено внимание рыцарю, вроде